

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.12>

Ян Липин

Революционный Китай в повести "Друг народа" Н. С. Тихонова

Целью исследования является определение художественной концепции революционного Китая и связанного с нею образа Суня Ятсена в повести Н. С. Тихонова "Друг народа" в контексте творческих установок писателей из объединения "Серрапионовы братья" и взглядов А. М. Горького на творчество автора. Научная новизна определяется тем, что впервые выявлены параллели между образами и мотивами "Друга народа" и повести "Мать". Н. С. Тихонов связал судьбу героев с большой рекой, придал образу вождя китайских трудящихся христианские черты, создал образ несчастной матери. Полученные результаты показали, что Н. С. Тихонов отходит как от "серрапионов", которые ценили искренность, правду в литературе, так и от горьковского реализма в изображении революционного движения и вождя народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 79-83. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Author's Strategies in V. S. Solovyov's Creative Writing

Yurina Natal'ya Gennad'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
dep-general@adm.mrsu.ru

The study aims to analyse the key author's strategies in creative heritage of the famous Russian philosopher of the late XIX century V. S. Solovyov. Defining the author's creative strategy as a combination of communicative attitudes, which determines ways of expressing the creator's consciousness and specifics of opening a dialogue with the reader, the researcher identifies the educational-prophetic creative strategy and the game creative strategy in Solovyov's literary heritage. The study is novel in that, for the very first time, the issue of author's creative strategies is being studied using Solovyov's creative heritage. The attained results have shown that the writer's creative strategies reveal a tendency to combine authoritative and egalitarian attitudes towards the addressee and reflect the main trends in the literary process of the late XIX century.

Key words and phrases: author's creative strategy; V. S. Solovyov's creative heritage; literary tradition; literary process; laughter.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 23.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.12>

Целью исследования является определение художественной концепции революционного Китая и связанного с нею образа Суня Ятсена в повести Н. С. Тихонова «Друг народа» в контексте творческих установок писателей из объединения «Серрапионовы братья» и взглядов А. М. Горького на творчество автора. Научная новизна определяется тем, что впервые выявлены параллели между образами и мотивами «Друга народа» и повести «Мать». Н. С. Тихонов связал судьбу героев с большой рекой, придал образу вождя китайских трудящихся христианские черты, создал образ несчастной матери. Полученные результаты показали, что Н. С. Тихонов отходит как от «серрапионов», которые ценили искренность, правду в литературе, так и от горьковского реализма в изображении революционного движения и вождя народа.

Ключевые слова и фразы: Н. С. Тихонов; А. М. Горький; «Серрапионовы братья»; образ Китая; Сунь Ятсен; советская детская литература; русская литература 1920-1930-х гг.

Ян Липин

Московский педагогический государственный университет
lipinyang@yandex.ru

Революционный Китай в повести «Друг народа» Н. С. Тихонова

В настоящее время в ИМЛИ имени А. М. Горького РАН ведется большая работа над академической публикацией наследия А. М. Горького и писателей, входивших в группу «Серрапионовы братья», которым Горький оказывал поддержку. Один из них, Н. С. Тихонов, остается пока в тени более известных «серрапионов», прежде всего Вс. Вяч. Иванова, автора знаменитой повести «Бронепоезд 14-69», в которой создан яркий образ китайца из народа, отдавшего жизнь за красных партизан, за русскую революцию. Е. А. Папкова в своем подробном историко-текстологическом исследовании отмечает: «Повесть, напечатанная в журнале “Красная новь” в 1922 г., по свежим впечатлениям от событий военного времени, не раз редактировалась сначала автором, а потом идеологически бдительными редакторами». И продолжает: «Перерабатывая текст, писатель все более вносил в него факты и детали своей сибирской биографии» [13, с. 7].

На наш взгляд, для дальнейших исследований выдающегося произведения советской литературы может иметь значение изучение произведения, практически забытого, но в свое время актуального – маленькой повести, почти новеллы, «Друг народа» (1926) Н. С. Тихонова. Ее появление пришлось на тот период, когда Вс. Иванов достиг высокого мастерства в искренней передаче действительности, завоевал глубокое уважение А. М. Горького и вместе с тем стал подозрительным «попутчиком».

Указанное произведение Н. С. Тихонова еще не становилось объектом отдельного исследования.

Ранние сборники Н. С. Тихонова «Брага» и «Орда» позволяют сделать вывод, что темы революции и героизма занимают важное место в его творчестве, равно как и тема дружбы народов (по оценке Б. И. Соловьева, «у него в искусстве свой особый путь, своя “генеральная тема” – это тема дружбы народов» [18, с. 5]). И. Л. Андроников в своем воспоминании подчеркнул: «Вообще поэзии Тихонова присуще острое ощущение жизни – своей страны, и других народов, и целого мира» [1, с. 104]. Интерес к революции и Востоку, включая Китай, тесно связан с жизненным опытом поэта и прозаика, об этом писал И. Л. Гринберг [6, с. 7], и сам Н. С. Тихонов признавался в своей автобиографии [21, с. 7]. Ориентальные темы творчества Н. С. Тихонова изучаются современным исследователем К. Ш. Кязимовым [10-12] на материале произведений об Индии, Кавказе и Туркмении. В частности, он анализировал идейно-художественные особенности поэмы «Сами» (1920), которая посвящена борьбе индийского народа против английских колонизаторов. В стихотворениях туркменского цикла, созданных после поездок писателя в республику в 1926-1930 гг., – «Искатели воды», «Люди

Ширами», «Подражание туркменскому» и др., – Н. С. Тихонов создал образы современных туркмен – строителей нового мира. Нравственные качества «становятся неотъемлемой особенностью людей, несущих новую культуру в самые отдаленные углы и ликвидирующих вековую отсталость и темноту», – справедливо пишет К. Ш. Кязимов [12, с. 77]. Тема Китая становится необходимой для более полного представления об ориентализме творчества Н. С. Тихонова.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью уточнить представление о творческом пути Н. С. Тихонова, об освоении им темы народа и революции на материале недавней истории Китая.

Задачами исследования являются: выявление исторического и литературного контекста повести Н. С. Тихонова; сравнительный анализ повестей «Друг народа» и «Мать» А. М. Горького; определение особенностей художественного стиля Н. С. Тихонова в указанном произведении.

Определение художественной концепции революционного Китая и связанного с нею образа вождя Суня Ятсена в названной повести ведется с использованием сравнительно-исторического **метода. Практическая значимость** состоит в возможности использовать знания о «Друге народа» при дальнейших исследованиях темы Китая в русской литературе, творчества «Серапионовых братьев» и проблемы возрастной адресации в развитии детской литературы.

В советской литературе 1920-х годов создается «пантеон» героев революционно-освободительного движения. Поиски героя, по справедливому утверждению Х. Гюнтера, являются «первоочередной задачей формирующегося “героического стиля” социалистического реализма, который отмежевывает себя от “безгеройности” буржуазной литературы» [7, с. 193]. Один из четырех типов героизации, согласно классификации Х. Гюнтера, – героизация политических деятелей. Данный тип реализуется в биографическом жанре [Там же, с. 194], активно развивавшемся в то время. Самый известный пример – очерк «В. И. Ленин» А. М. Горького (в редакциях 1924 и 1931 гг.).

К 1924 г., когда вышла первая редакция горьковского очерка (заглавие в рукописи «Человек»), «Серапионовы братья» стали авангардом молодой советской литературы. Как вспоминала Е. Г. Полонская, «первой нашей заповедью было говорить и писать правду» [16, с. 273], т.е. писатель должен быть свободным от общественно-политических требований. А. М. Горький высоко ценил «серапионов» в целом («...да, – именно группы! – очень талантливых молодых писателей» [4, с. 59]), одобрительно подчеркивая их особенности, близкие ему: «Все они – аполитичны, индивидуалисты и романтики» [Там же].

Вместе с тем в письме к Р. Роллану от 5 июня 1922 г. Горький выразил свое мнение о Востоке. Русские, по его словам, смотрят на быт Востока: «...нашу массу увлекает его социальная статика, его любовь к покою, к безответственности. После японской войны солдаты, возвратясь домой, с восторгом говорили о том, как хорошо живут китайцы и маньчжуры» [Там же]. Китай, по мнению Горького, является местом спокойным и идеальным.

Н. С. Тихонов, примкнувший к «серапионам» в 1922 г., как вся группа, оказался под влиянием и покровительством Горького, при этом он больше, чем другие, вносил политическую идеологию в свои произведения.

Повесть «Друг народа» вышла в Государственном издательстве (Госиздат) в 1926 г., к годовщине смерти Суня Ятсена (12.11.1866 – 12.03.1925), лидера китайской революции и первого руководителя Китайской Республики. Н. С. Тихонов выбрал для изображения этап подготовки революции, тему единения вождя с трудовым народом, а сюжет построил вокруг тайной работы Суня Ятсена.

Целью автора было познакомить советских детей с революционным Китаем, представить образ одного из великих народных вождей, наряду с В. И. Лениным. Заметим, что в том же году в Госиздате вышла книга «Детям о Ленине». По данным исследования И. Н. Арзамасцевой, она получилась малоудачной, несмотря на попытку создать образ вождя на основе устной народной традиции [2, с. 19]. Проблема создания детской ленинианы и в целом книг о революционерах и народных вождях стояла остро перед писательско-издательским сообществом.

Сунь Ятсен высоко ценил достижения Октябрьской революции и искал помощи у советской России еще в 1920 г. В 1924 г. он предложил *три новых народных принципа*, которые переключаются с идеями ленинских декретов: принцип национализма, принцип демократизма, принцип социализма. «Принцип национализма Гоминьдана имеет два значения: первое – освобождение китайских народов, второе – равенство всех народов в Китае» (国民党之民族主义有两方面之意义一中国民族自救解放；二中国境内各民族一律平等), – писал Сунь Ятсен [24, с. 118] (перевод автора статьи. – Я. Л.).

Данные принципы, и прежде всего принцип национализма, Н. С. Тихонов положил в основу аксиологической, смысловой концепции повести «Друг народа». Этот принцип отвечал его собственным взглядам. По мнению Н. А. Коварского, «национализм Тихонова – национализм демократический, национализм, чуждый какого бы то ни было национального и культурного высокомерия» [9, с. 17]. В автобиографическом очерке «Моя жизнь» 1926 г. Н. С. Тихонов акцентировал свое увлечение географией и историей.

Тема его произведений одна – борьба за свободу [21, с. 7]. В ранних стихах (сборники «Брага» и «Орда») поэт много писал о романтике революционных битв, воспевал героизм и силу простых людей. В середине 1920-х годов он отходит от плакатной романтики и изображает особый тип героя, актуальный для «Новой экономической политики», – ремесленник с пламенной душой революционера: «Он встал – живое сказанье, / Он встал – перемазанный ваксой Марат, / И гордо рубцы показал мне!» [22, с. 40-44]. Таким образом, «заказ» на произведение о китайском вожде полностью соответствовал идейно-эстетическому выбору писателя в середине 1920-х гг., а также, подчеркнем, работе А. М. Горького по созданию «пролетарской» литературы.

Заметим, что при работе над повестью в распоряжении Тихонова могли быть такие базовые материалы, как перевод работы Суня Ятсена «Капиталистическое развитие Китая» и книга К. Б. Радека «Сун-Ят-Сен и китайское революционное движение» (обе – 1925 г.).

В письме от 10 февраля 1922 г. М. Л. Слонимский сообщал А. М. Горькому: «Объявился замечательный поэт – Николай Тихонов. Лучше Гумилева. Вся молодежь ему в подметки не годится» [17, с. 373]. С этого момента Горький следит за развитием таланта молодого поэта. Однако поэма «Сами» (1920 г.), получившая большой успех, Горькому не понравилась. Это был неверный путь создания образа Ленина, вождя. В письме К. А. Федину от 28 июля 1924 г. он оценивает уже не первые публикации поэта, а творчество в целом: «Те стихи Тихонова, которые мне удалось прочитать, рисуют передо мною автора человеком исключительно талантливым, хотя он и пишет иногда плохо; пример – поэма об индийском мальчике» [3, с. 34]. Вместе с тем в письме от января 1925 г. Тихонов через Федина послал Горькому в Сорренто сборники «Орда» и «Брага» с надписью «Дорогому Алексею Максимовичу» и написал ему письмо (от 10 января) [Там же, с. 526]. В ответном письме от 25 января Горький выказывает горячую поддержку Тихонову: «От Ваших стихов крепко пахнет настоящим и очень своеобразным человеком. Единственный поэт, которого вспоминаешь, читая В<аши> стихи, – Лермонтов» [Там же, с. 116]. При этом делает поэту существенные замечания, касающиеся этики писательской профессии: «“Я вызвал старого, испытанного друга – иронию”, – говорите Вы. Так. Революция исполнена иронии в не меньшей дозе, чем пафоса; Вы, это, разумеется, знаете, и, мне кажется, этого Вы не должны забывать» [Там же]. По поводу громкой метафоры *люди-гвозди* Горький замечает: «Из людей всегда делали гвозди, чтоб скреплять клетку государства и общества, и если революция продолжает эту же циническую работу искажения человека, то – ради чего? Ведь все в человеке, все – для человека, и все то, в чем он запутался, в плену чего живет, – создано им. Вот тут, в главном, в отношении к человеку, для меня в мироощущении Вашем есть кое-что неясное» [Там же, с. 117].

Писатель не может, не должен поддерживать циническое отношение к человеку революционной эпохи – такие выводы можно сделать из критики Горького, которую он высказал в деликатной форме. Возникает вопрос: в какой мере воспринял Тихонов горьковские уроки? Насколько отвечает «Друг народа» эстетическим установкам группы «Серапионовы братья»?

Заметим, что «Друг народа» – очень важное, актуальное произведение для тех лет. Тем не менее критика повести началась почти сразу. А. К. Покровская, в то время ведущий специалист по детской литературе, отметила: «“Друг народа” – рассказ из жизни Сун-Ят-Сена, чрезвычайно изобразительный, дает действительно яркий образ китайского вождя в рамках народного быта» [15, с. 20]. Сухая похвала авторитетного специалиста здесь сочетается с завуалированным замечанием. Заметить известную схему ей было особенно легко: в молодости Анна Покровская знала Алексея Пешкова по Нижнему Новгороду (она участвовала в молодежном подпольном кружке, хорошо знала реалии революционного процесса).

На наш взгляд, «Друг народа» написан по схеме «нижегородской» повести «Мать» А. М. Горького. Заметим, что в том же году режиссер Я. А. Протазанов снимает фильм. Особенно заметно сходство в зачинах двух произведений, в обобщенных картинах: «Над большой рекой стоял шум и гам трудового дня» [20, с. 3]. Сравним: «Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы» [5, т. 7, с. 193].

Н. С. Тихонов использует и другие средства изображения, хорошо разработанные А. М. Горьким. Маленького сына рыбака зовут Ян-цзы – от названия самой длинной реки в Китае, впадающей в Восточно-Китайское море. Главную героиню в горьковской повести зовут Пелагея Ниловна (*Пелагея* в переводе с древнегреческого – *море*, *Нил* – не только русское мужское имя, но и гидроним, синонимическое замещение *Волги*). У Горького Волга – это «река свободы и река-гимн совместному вдохновенному труду» [8, с. 63], символ национального единства. У Тихонова также социальная жизнь и судьба китайского народа неотделимы от «большой реки». Как и Горький, Тихонов строит сюжет на параллели между тайной работой революционера и постепенным изменением человека из народа.

В целом в советской литературе образ Ленина также строится на мотивах Волги, волжских городов Симбирска и Казани. Заметим, что Горький в очерке «В. И. Ленин» (первая редакция) не упоминает о Волге (тем самым проводя границу между собой, «волгарем» из народа, и Лениным), зато разворачивает эпизод общения каприйских рыбаков с Лениным. Писатель подчеркивает, что Ленин «не утратил... живого интереса к “простым людям”»: «Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда» [5, т. 17, с. 22].

Н. С. Тихонов типизирует образы героев, подбирая реалистические детали в соответствии с наиболее общим, банальным представлением о внешнем виде трудящихся Китая: «худой, желтолицый рыбак», его жена – «в синей сальной, затасканной кофте» [20, с. 3]. Автор типизирует и социальные характеристики. Семья Тзе-лу очень бедная: «Наши двое детей умерли с голода, трое других тощи, как мыши, отец твой получил язву желудка и мать в земле от худой жизни» [Там же, с. 4]. Вместе с тем типизация сочетается с открытыми аллюзиями на христианские сюжеты, что также характерно для раннего Горького, особенно в «Матери». Образ рыбака Тзе-Лу автор сблизил с христианскими сюжетами. Рыбак Андрей стал учеником Иисуса Христа и посвятил всю жизнь святым делам. А Тзе-Лу уважает народного вождя, но из-за бедности он предает Сун-Ят-Сена за 5000 долларов, однако в финале повести он осознает свою ошибку и становится последователем вождя. Таким образом, автор сочетает мотивы об Иуде, предавшем Христа за тридцать сребреников, и Петре, который трижды отрекался от Иисуса, прежде чем стал его верным апостолом. На наш взгляд, отношение Тихонова к своему герою резко отличается от веры Горького в нового человека из народной среды, пробужденного мыслью о возможности счастья и свободы. Герой Тихонова колеблется, он лишен понимания высокой цели в жизни и потому аморален.

Первое упоминание о Сун-Ят-Сене в разговоре рыбака Тзе-Лу с женой: «– Чего хочет этот человек, Тзе-лу? Зачем он ходит и вверх и вниз по реке, как рыба, и все ему не нравится? – Он хочет сбросить императора

и императрицу и всех мандаринов выгнать из страны. Он ругает их так, как ругают свиней и собак» [Там же]. Туанг называл Сун-Ят-Сена «небо-рожденным» [Там же, с. 10], а Тзе-Лу восхищается им как «истинным сыном света» [Там же, с. 19]. На самом деле, то, что Сун-Ят-Сен совершил подобно Иисусу Христу, спасает бедных людей и дает им веру в лучшее будущее.

Идеальность Сун-Ят-Сена как литературного героя – в его способности к самопожертвованию во имя всего народа. Нищий рыбак Тзе-лу признался в своем намерении отрезать голову Сун-Ят-Сена, чтобы получить доллары для семьи. Сун-Ят-Сен понимает ситуацию и легко соглашается на его просьбу. Сун-Ят-Сен, как Иисус Христос, готов отвечать добром на зло, именно своей готовностью к самопожертвованию он спасает «заблудшего» Тзе-лу. Идея духовного спасения людей в повести Тихонова сходится с идеей повести «Мать», ведь Горькому важнее показать «не эпизод классовой борьбы, а процесс духовного воскрешения человека под влиянием новых идей» [19, с. 220]. Кроме того, мотив матери – еще одна переключка с повестью Горького. В «Друге народа» описан уличный писец, и перед ним страдает добрая женщина, у которой сына забрал мандарин [20, с. 8].

Н. С. Тихонов придал образу Сун-Ят-Сена черты Христа, тем самым продолжив горьковскую традицию в изображении революционера. Как справедливо утверждает Х. Гюнтер, в героических произведениях «под влиянием богостроительства герои Горького обретают (например, в повести “Мать”) черты христианского героя-жертвы» [7, с. 192-193]. Л. А. Спиридонова отметила: «Горьковский мятежный человек, который шествует “все вперед и выше”, скорее сопоставим с библейскими героями, восходящими на гору, чтобы услышать слово Божие и нести его людям» [19, с. 220].

Итак, вслед за Горьким Н. С. Тихонов христианизировал картину революции, несмотря на глубокое своеобразие Китая, его традиционной культуры и происходивших в 1920-е годы процессов. Тем самым Н. С. Тихонов далеко отошел и от «серапионовского» принципа искренности и правды, и от горьковского реализма. При этом он передал некоторые черты экзотического быта и нравов, допустив иронию и сатиру в отношении явлений, непонятных, малоизвестных ему.

Вопреки замечаниям и советам Горького, Тихонов создал неоднозначный образ человека, начинающего свой путь в революцию. Та ирония, о которой предупреждал Горький, свойственна всей картине китайской революции: трудовой народ почти в равной степени может предать своего вождя или пойти за ним. В повести нет важнейшего достижения русского реализма – глубокого социально-психологического анализа, а также серьезного знания современных китайских реалий. Плакатная обобщенность картин, схематизм сюжета и типизация образов героев создают скрытую ироническую дистанцию между автором и наивным юным читателем, придают произведению вымышленность.

Приведем другие примеры авторской иронии. В первой части повести рыбак Тзе-лу вынул из пазухи гнилые яйца, которые он получил от негодяя Ма-куай в знак дружбы [20, с. 5-6]. Эта предметная деталь передает не просто жизнь бедняков, но и авторское отношение к народу. За гнилые яйца китайский бедняк может предать того, кто хочет вывести народ из нищеты и несправедливости. Сатирически описан слепец с давно потухшим фонарем, встреченный Суном на дороге [Там же, с. 17]. Спутник Суна считает, что китайский император похож на этого слепого. Этот эпизод переключается с одним из тех политических анекдотов, которые любил рассказывать К. Б. Радек, автор книги о китайской революции. Император смешон: по всей стране горит огонь революции, а сам император об этом не знает. Похожая мысль отражена в китайской пословице: «Свеча для слепого – бесполезная трата» (瞎子点灯—白费蜡).

Опыт стихотворства дает Тихонову возможность применять в повествовании средства иносказания. Метафора – прием, освоенный им в поэзии, – в повести была доведена до символа. Так, помимо слепого с потухшим фонарем, автор использовал такие метафоры-образы, как «прошлогоднее бревно» – труп, свечи – свет и будущее, дорога – революция [Там же, с. 19]. Кроме того, эпизод страшной смерти Ма-куай, которым заканчивается все произведение, символически означает гибель «желтого» Китая, древней империи. В шокирующем финале заметно резкое отличие «Друга народа» от горьковской повести.

Тихонов до того никогда не был в Китае, и он не был знаком с Суном Ятсеном, но в повести «Друг народа» образ китайского вождя Суна Ятсена и образ Китая созданы творческим воображением писателя. Талант и опыт позволяют ему создать иллюзию реальности, переходящую в вымысел. Тихонов использовал приемы и мотивы повести А. М. Горького «Мать» – основного произведения соцреализма. Некоторые его представления о Китае казались неверными или неточными. Хотя А. М. Горький предупреждал о недопустимости иронического отношения писателя к человеку, в «Друге народа» прослеживается ироническое отношение автора к Китаю и китайской революции. Метафоры придают повести больше символизма, чем допускает традиция русского реализма. В целом, повесть «Друг народа» нельзя считать реалистической работой.

Повесть не имела успеха. Она была переиздана всего дважды – в 1928 и 1930 гг. В специальном номере журнала «Пионер» 1927 г., посвященном современному Китаю, есть небольшая редакционная заметка с кратким пересказом содержания повести «Друг народа»; она была нужна для лучшего распространения книги, и только [14].

Вместе с тем тема обновленного Китая нашла продолжение в дальнейшем творчестве Н. С. Тихонова. По мнению И. Л. Гринберга, новое описание чужой страны для Н. С. Тихонова – не просто книжные представления, а могучая реальность: «Советский художник приехал как желанный гость в народный Китай, освобожденную Индию, независимую Индонезию...» [6, с. 7]. Вспоминая свое посещение страны в качестве главы Советского комитета защиты мира в 1959 г., на десятую годовщину Китайской Республики, Н. С. Тихонов написал стихи о природе и культурных достопримечательностях. Они вошли в сборник

для детей «Стихи о Китае» (1959 г.). Заметим, что в данном сборнике есть стихотворение «Мавзолей Сунь Ят-Сена» [23, с. 15-16]. Эти материалы представляют собой основу для дальнейшего исследования творчества Н. С. Тихонова в аспекте темы Китая.

Делая финальные *выводы*, подчеркнем следующее. Темы революции и борьбы за свободу, характерные для раннего периода творчества Н. С. Тихонова, были развиты им на материале китайской революции, политически и идеологически актуальном, но почти неизвестном автору в реалиях культуры, быта и непосредственных событий. Свою повесть «Друг народа» он построил по модели повести «Мать» А. М. Горького, это проявляется в связи судьбы героев с большой рекой – символом национального мира, христианских чертах главных героев, образе несчастной матери. Художественная концепция революционного Китая и связанного с нею образа вождя Сунь Ятсена в повести «Друг народа» обусловлена критическим отношением Н. С. Тихонова к эстетическим установкам «Серапионовых братьев», прежде всего установке на правду и реализм. Данная концепция отличается большой долей вымысла в изображении героев и всего китайского мира, идеологической заданностью сюжета и отдельных эпизодов, усилением роли символично-аллегорических деталей. Главной особенностью художественного стиля Н. С. Тихонова, характерного для данного произведения, является решение историко-биографической темы с помощью условных форм изображения, путем отхода от реализма.

Список источников

1. Андроников И. Л. Героическая поэзия // Воспоминания о Н. Тихонове / сост. И. И. Гаглов, М. И. Котов. М.: Советский писатель, 1986. С. 99-111.
2. Арзамасцева И. Н. Подвижники детского чтения // Детские чтения. 2012. № 1. С. 12-42.
3. Горький А. М. Полное собрание сочинений и писем: в 24-х т. М.: Наука, 2012. Т. 15. 965 с.
4. Горький А. М. Р. Роллану // Горький А. М. Полное собрание сочинений и писем: в 24-х т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 58-60.
5. Горький А. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 7. 540 с.; 1952. Т. 17. 443 с.
6. Гринберг И. Л. Творчество Николая Тихонова. М.: Советский писатель, 1958. 395 с.
7. Гюнтер Х. Литература в контексте архетипов советской культуры // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. С. 191-229.
8. Захарова В. Т., Оляндэр Л. К. Волга как образ-символ России в художественном мире М. Горького // Acta Eruditorum. 2019. № 31. С. 59-65.
9. Коварский Н. А. Н. С. Тихонов. Л.: Художественная литература, 1935. 239 с.
10. Кязимов К. Ш. Идеино-художественные особенности поэмы Н. Тихонова «Сами» // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010. № 5 (13). С. 129-130.
11. Кязимов К. Ш. Отражение идеи гуманизма в стихах и прозе Н. Тихонова о Востоке и Кавказе // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010. № 4 (12). С. 156-159.
12. Кязимов К. Ш. Туркмения в творчестве Н. С. Тихонова // Гуманитарные исследования. 2010. № 2. С. 76-79.
13. Папкина Е. А. Странна твоя дорога, бронепоезд 14-69... // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: контексты эпохи / отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 7-39.
14. Пионер. 1927. № 7.
15. Покровская А. К. Основные течения в современной детской литературе. М.: Работник просвещения, 1927. 56 с.
16. Полонская Е. Г. Города и встречи / ред. Б. Я. Фрезинский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 653 с.
17. Слонимский М. Л. Завтра. Проза. Воспоминания. Л.: Советский писатель, 1987. 560 с.
18. Соловьев Б. И. Николай Тихонов: очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1958. 232 с.
19. Спиридонова Л. А. Творчество Горького и возникновение социалистического реализма // Максим Горький: pro et contra. Современный дискурс: антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. С. 212-233.
20. Тихонов Н. С. Друг народа. М. – Л.: Гос. изд-во, 1926. 19 с.
21. Тихонов Н. С. Моя жизнь // Красная панорама. 1926. № 41 (135).
22. Тихонов Н. С. Поиски героя. Л.: Прибой, 1927. 97 с.
23. Тихонов Н. С. Стихи о Китае. М.: Детгиз, 1959. 47 с.
24. 孙中山. 孙中山全集 (第九卷) [M]. 北京: 中华书局, 2011年, 208 页 (Сунь Ятсен. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Пекин, 2011. Т. 9. 208 с.).

Revolutionary China in N. S. Tikhonov's Story "The Friend of the People"

Yang Liping

Moscow State Pedagogical University
lipinyang@yandex.ru

The study aims to determine the artistic concept of revolutionary China and the associated image of Sun Yat-sen in N. S. Tikhonov's story "The Friend of the People" within the context of creative attitudes that the "Serapion brothers" had and A. M. Gorky's view on the author's writings. The research is novel in that it is the first to draw parallels between the images and motifs of "The Friend of the People" and the story "Mother". N. S. Tikhonov connected the characters' fates to the great river, imparted the image of the working people's paramount leader with Christian traits and created the image of a broken-hearted mother. The attained results have shown that N. S. Tikhonov deviated both from the "Serapion brothers", who valued candour, truth in literature, and from Gorky's realism in depiction of the revolutionary movement and the people's leader.

Key words and phrases: N. S. Tikhonov; A. M. Gorky; "Serapion brothers"; image of China; Sun Yat-sen; Soviet children's literature; Russian literature of the 1920-1930s.